

С того самого момента, как Китакодзи Синсукэ достал фотографию, Накахара Яёи догадывался, к чему клонит собеседник. Слова мужчины не застали его врасплох — они лишь подтвердили худшие опасения.

Яёи мысленно усмехнулся. Три года утекло с тех пор, как он в последний раз выполнял заказ на убийство. И надо же — спустя столько времени кто-то снова пытается вернуть его к прежнему ремеслу.

— С чего ты взял, что я стану убивать ради тебя? — небрежно поинтересовался Яёи, разглядывая старый снимок.

Китакодзи проигнорировал вопрос. Храня молчание, он выудил из кожаного портфеля плотный чехол и вытряхнул содержимое на стол.

Там лежала лишь одна пожелтевшая черно-белая фотография.

Яёи скользнул по ней взглядом. Бумага выглядела невероятно дряхлой — вещь явно перешагнула столетний рубеж.

Подвинув снимок ближе к юноше, Китакодзи тихо произнес:

— Этому кадру больше полутора веков. Эпоха Мэйдзи.

Яёи всмотрелся в детали.

С глянцевої поверхности на него высокомерно взирал мужчина средних лет, восседавший на стуле с высокой резной спинкой. Его лицо украшали аккуратные усы щеточкой — писк западной моды тех лет. На плечах свободного кимоно, скроенного на манер ронинского платья, угадывался фамильный герб клана Камо, а за поясом покоилась катана. Черты лица казались самыми заурядными, если бы не одна бросающаяся в глаза деталь.

Поперек лба мужчины тянулся безобразный шрам, напоминающий жирного дождевого червя.

Точно такой же след уродовал лицо нынешнего главы клана Камо.

«Вот оно как».

Во время межшкольного турнира первокурсник Киотского магического колледжа, Камо Хироки, упоминал в разговоре с Яёи, что четыре года назад на действующего главу напал проклятый дух. После того случая на лбу мужчины остался глубокий рубец, а сам он изменился до неузнаваемости и сделался нелюдимым затворником.

Еще тогда Яёи заподозрил неладное. Ему казалось, что в тело патриарха вселился чужой дух — классическое переселение душ. Он даже специально обыскал библиотеку Токийского магического колледжа в поисках старых хроник, но ушел ни с чем.

Теперь становилось ясно: интуиция его не подвела.

Слишком много совпадений. Один и тот же жуткий шрам у человека эпохи Мэйдзи и у нынешнего лидера великого клана не мог быть шуткой природы.

— Что это за отметина? — нахмурился Яёи. — Им обоим вскрывали череп? Какое-то безумное медицинское испытание?

Китакодзи мысленно облегченно вздохнул: догадка юноши едва ли не вплотную приблизилась к истине. Работать с проницательными людьми всегда проще — не приходится тратить время на лишние разъяснения.

Он приставил указательный палец к собственному виску и медленно обвел им голову по кругу.

— Разрез идет не только по лбу, — тихо пояснил Китакодзи. — Кость распиливают по всей окружности, чтобы снять верхнюю часть черепной коробки.

Перед мысленным взором Яёи невольно предстала жуткая картина: глава клана Камо собственными руками приподнимает верхушку своего черепа, словно крышку фарфорового чайника.

— Мужчину на фото зовут Камо Норитоси, — продолжил Китакодзи. — Он родился на заре эпохи Мэйдзи и вошел в историю как величайшее зло среди магов, несмываемое клеймо на репутации трех великих семейств.

— Хочешь сказать, под личиной нынешнего главы скрывается этот самый Норитоси, сумевший дожить до наших дней? — спросил Яёи.

— Вовсе нет. Тот, кто сейчас распоряжается телом Камо, зовется Кэндзяку. Он — древний колдун, пришедший из эпохи, отстоящей от нас на тысячу лет.

Желая во что бы то ни стало завоевать доверие Яёи, Китакодзи решился выложить все карты на стол. Он признался, что никогда не видел истинного облика Кэндзяку.

По его словам, этот паразит способен захватывать чужие тела и безраздельно пользоваться врожденными техниками своих жертв. Обязательное условие трансплантации — грубый шов на лбу. Из этого Китакодзи сделал вывод, что Кэндзяку физически пересаживает собственный мозг в чужие черепные коробки.

За минувшее тысячелетие этот монстр сменил не менее трех сотен оболочек. И величайший злодей Камо Норитоси, и нынешний глава клана — лишь очередные марионетки в его бесконечном цикле перерождений.

Более того, Китакодзи добавил, что двенадцать лет назад Кэндзяку прибрал к рукам тело тогдашнего руководителя Главного совета магов, и лишь четыре года назад переселился в патриарха Камо.

Яёи подозрительно прищурился.

— Как давно вы знакомы?

— Десять лет, — без колебаний ответил Китакодзи. Скрывать столь очевидный факт не имело смысла.

— То есть в момент вашей первой встречи он все еще занимал пост главы Главного совета магов?

— Именно так.

Яёи слегка склонил голову набок, силясь уловить логику:

— Зачем Кэндзяку понадобилось менять оболочку? Пост руководителя Главного совета открывает куда больше возможностей, чем статус лидера одного из кланов.

— Его полномочия подходили к концу. К тому же, управляя ведомством от лица покойного председателя, Кэндзяку провел ряд жестких реформ, ущемлявших права практикующих магов. Его авторитет внутри Совета стремительно катился под откос. Пойди он на новый срок — проиграл бы выборы без единого шанса.

Яёи пристально вглядывался в лицо собеседника. Тот не юлил и говорил чистую правду.

Из разговоров с Годжо Сатору Яёи помнил: Китакодзи взлетел по карьерной лестнице исключительно благодаря протекции лидера Камо. Именно его невидимая рука продвигала молодого чиновника, позволив тому в столь юном возрасте занять ключевой пост в Главном совете магов.

Но если все так, с чего вдруг этот верный протеже решился на предательство? Почему ищет наемника для устранения своего благодетеля? Обычный раскол среди сообщников или хитроумная многоходовка?

Не пытаясь скрыть сквозящее во взгляде недоверие, Яёи холодно процедил:

— Назови истинную причину, по которой ты хочешь его смерти.

Китакодзи ответил без малейшей запинки, точно репетировал эту фразу перед зеркалом не один десяток раз:

— Ради будущего и безопасности всего магического сообщества.

С губ Яёи сорвался тихий издевательский смешок.

Он не верил ни единому слову этого человека. Будь Китакодзи предан высоким идеалам, он никогда не связался бы с тысячелетним чудовищем.

— Твое недоверие оправданно, но я предельно искренен, — ровным тоном произнес Китакодзи, даже не моргнув. — В прошлом году Кэндзяку слил координаты Рико Аманай фанатикам из Ассоциации Звездного Сосуда. Он целенаправленно сорвал слияние.

— Адрес Аманай знали лишь госпожа Тенген и высшие чины Главного совета, — безжалостно отрезал Яёи. — Полагаю, именно ты и выступил в роли почтового голубя?

Китакодзи подавился воздухом, не найдя, что возразить.

Яёи подозрительно прищурился.

— Какую цель преследовал Кэндзяку, саботируя слияние с Тенген? — вновь спросил он.

Этот вопрос застал Китакодзи врасплох. На него у него не было ответа.

Несмотря на формальный союз, они с Кэндзяку постоянно караулили нож в спину друг от друга. За десять лет знакомства древний шаман лишь четыре года назад стал проявлять к нему хоть какое-то подобие доверия.

Тогда, четыре года назад, именно Китакодзи выманил ничего не подозревавшего главу клана Камо на окраину Киото и хладнокровно прикончил его. После этого он доставил остывающее тело в Главный совет магов и преподнес его Кэндзяку, все еще носившему маску председателя.

Лишь после столь весомого доказательства преданности колдун приоткрыл завесу тайны, назвав свое имя и раскрыв природу проклятой техники. Но конечные мотивы Кэндзяку по-прежнему оставались для Китакодзи тайной за семью печатями.

— Я действительно не знаю. Ему нужны мои руки для грязной работы, но в свои планы он меня не посвящает, — признался Китакодзи. — Могу лишь предполагать... Возможно, его цель —

превратить госпожу Тенген в проклятого духа.

Яёи с глухим раздражением посмотрел на собеседника. Не помоги этот скользкий тип древней твари, дела бы не зашли так далеко.

Китакодзи явно недоговаривал, но даже тех крох информации, что он озвучил, хватало, чтобы внутренний колокол Яёи забил тревогу.

Госпожа Тенген оставалась нерушимым фундаментом всего магического мира. Если ее эволюция выйдет из-под контроля и превратит ее в нечто, превосходящее человеческую природу, привычный порядок рухнет. Проклятия заполнят города, став полноправными хозяевами этих земель.

Китакодзи разыграл эту карту безупречно, прекрасно понимая, что Яёи не сможет отмахнуться от подобной угрозы.

И он оказался прав. Мысль о возможной катастрофе разжигала в груди Яёи глухую злость. Случись подобное, и Иокогаму захлестнет волна нечисти, что мгновенно парализует весь бизнес Портовой мафии.

Древнего паразита нужно устранить. И как можно скорее.

Яёи медленно поднял голову. Его тяжелый, мрачный взгляд заставил Китакодзи внутренне подобраться — по спине мужчины пробежал неприятный холодок.

Яёи взвешивал варианты. Если цель — ликвидация Кэндзяку, то фигура Китакодзи может стать отличным подспорьем. Былые обиды и разногласия отходили на второй план: прагматизм требовал заключить временный союз.

Однако соглашаться сразу было бы глупо. Требовалось выбить для себя гарантии, которые удержали бы Китакодзи от искушения перевернуться обратно к Кэндзяку и продать Яёи с потрохами.

Китакодзи тем временем пытался прочесть хоть что-то на бледном лице юноши. Ему отчаянно хотелось понять, о чем думает этот нелюдимый подросток.

Изначально чиновник был уверен в своем успехе, но маска абсолютного равнодушия на лице Яёи сбивала с толку.

Минуты тянулись, а парень упорно хранил молчание. В комнате повисла удушливая тишина, прерываемая лишь дыханием мужчин. Это безмолвие постепенно подтачивало уверенность Китакодзи, заставляя его нервно сжимать пальцы.

Яёи разыгрывал классическую партию. Это была его излюбленная переговорная тактика.

Он не обладал вкрадчивым красноречием Мори Огая, не умел плести словесные кружева, подобно Дазаю Осаму, и не любил прибегать к грубому давлению, как Чуя. Его главным оружием в спорах была холодная, пугающая невозмутимость, державшая оппонента в постоянном напряжении.

В любых переговорах всегда проигрывает тот, кто начинает суетиться первым.

Дождавшись, пока Китакодзи окончательно измучается неопределенностью, Яёи наконец нарушил молчание:

— Раз уж ты пришел просить о помощи, потрудись доказать свои намерения делом. Покажи мне свою искренность.

Услышав человеческую речь, Китакодзи заметно расслабился. Лед тронулся.

— Какое именно доказательство тебе нужно? — поспешно уточнил он. — Деньги? Назови сумму, я не поскуплюсь на гонорар.

Но ответ Яёи заставил его осечься.

— Сбереги свои миллионы, — бесстрастно уронил юноша. — Мое единственное условие: сними маску и говори со мной с открытым лицом.

Сквозь полупрозрачную шелковую вуаль очертания комнаты казались размытыми, словно подернутыми утренней дымкой. Китакодзи вглядывался в силуэт Яёи, различая лишь холодный, изумрудный блеск его глаз.

Рука мужчины инстинктивно взметнулась к лицу, прижимая ткань к коже.

— Зачем тебе это?

— Станный вопрос для того, кто предлагает союз, — парировал Яёи. — Как я могу доверять человеку, чьего лица даже не видел? Твоя скрытность говорит сама за себя.

Китакодзи колебался.

Еще в прошлом году они с Кэндзяку досконально изучили подноготную этого мальчишки. Накахара Яёи числился ставленником клана Дзэннин, который буквально вытащил его из неизвестности. В марте прошлого года Ито Тэрухико разыскал его в одном из токийских

приютов.

Прошлое парня не вызывало вопросов: обычный сирота без врожденного дара, все документы и регистрационные записи в порядке. До встречи с Ито Тэрухико Накахара знать не знал о существовании магии и проклятий. Следовательно, раскрытие личности перед ним ничем не грозило.

Изнурительное молчание Яёи окончательно выбило почву из-под ног чиновника. Чтобы не сорвать сделку, он решил пойти на уступку.

Пальцы потянулись к затылку, развязывая шелковые тесемки. Легкая вуаль соскользнула вниз, обнажив скрывавшуюся под ней белую маску из плотного прессованного картона. Китакодзи снял и ее, явив миру свое подлинное лицо.

Перед Яёи предстал утомленный жизнью мужчина.

Чуть опущенные уголки глаз и тонкие брови придавали его аккуратным, некогда весьма привлекательным чертам глубоко несчастный вид. В складках возле рта затаилась вечная, въевшаяся в кожу тоска — казалось, этот человек не знал покоя ни днем, ни ночью.

Яёи застыл. Он знал это лицо. Знал слишком хорошо — оно преследовало его в кошмарах долгие годы.

Больше десяти лет назад, когда он жил в доме исследователя, его личным миром была тесная, сырая кладовая за кухней. Это полуподвальное помещение без окон освещалось лишь тусклой лампочкой под потолком. Единственная тяжелая дверь, ведущая в тепло жилого дома, всегда была заперта на несколько замков.

Человек, называвшийся его приемным отцом, держал ребенка взаперти, как опасного зверя. Лишь изредка, когда приходило время стричь волосы, няня выводила его во внутренний двор подышать воздухом. Сам же хозяин дома почти никогда не спускался в подвал.

Тот ученый выкрал маленького Яёи из секретной лаборатории с одной целью — выгодно сбыть на черном рынке. Но младенец с сомнительной, практически бесполезной способностью никого не заинтересовал. Даже когда исследователь сбавил цену до минимума, покупателей не нашлось.

Живой товар, ради которого пришлось рискнуть головой, превратился в бесполезный балласт. Это приводило мужчину в бешенство. И когда злость зашкаливала, он спускался в подвал, чтобы сорвать злость на беззащитном ребенке.

Память Яёи услужливо воскресила картину из далекого детства.

Скрип ступеней. В холодном свете голой лампы сначала появлялись начищенные до блеска туфли, затем — безупречный твидовый костюм с сияющей булавкой на галстук. И, наконец, являлось оно. Лицо.

Черты того мучителя из прошлого медленно, но неотвратно накладывались на стоящего перед ним Китакодзи Синсукэ. Разрез глаз, форма носа — совпадение было абсолютным. Лишь седина тронула брови, да у глаз пролегли глубокие морщины. Но этот вечно скорбный, унылый взгляд остался прежним.

Китакодзи Синсукэ и был тем самым исследователем, которого Яёи поклялся отыскать во что бы то ни стало.

<http://bllate.org/book/19457/2004669>